

Содержание

СТАРЕЦ ЛИ В БАМБУКОВОЙ ШЛЯПЕ

Д. Воскресенский

7

Полуночник Вэйян, или Подстилка из плоти

Роман

21

ДВЕНАДЦАТЬ БАШЕН

Повести

Башня Соединенного отражения	281
Башня Завоеванной награды	311
Башня Трех согласий	329
Башня Летней усадьбы	356
Башня Возвращения к истине	384
Башня Собрания изысканностей	418
Башня Развеянных облаков	444
Башня Десяти свадебных кубков	487
Башня Возвратившегося журавля	504
Башня Подношения предкам	542
Башня Обретенной жизни	559
Башня, где внемлют советам	580

**ПОВЕСТИ ИЗ СБОРНИКА
«БЕЗМОЛВНЫЕ ПЬЕСЫ»**

Чудовище-муж и его три жены	607
Две подвески к вееру	656
Восемь Знаков судьбы	694
Счастье, в беде обретенное	714
Семь уловок хитроумной жены	756
Мужчина, матерью ставший	779
Двуполое чадо	820

КОММЕНТАРИИ

847

СТАРЕЦ ЛИ В БАМБУКОВОЙ ШЛЯПЕ

Писатель Ли Юй и его творчество в истории китайской литературы и культуры – явление весьма необычное, в известной мере – уникальное. Это объясняется, однако, вовсе не количеством написанного и каким-то особенным его разнообразием. Многие литераторы той же поры (XVII век), например знаменитый прозаик и драматург Фэн Мэнлун или выдающийся новеллист Пу Сунлин, написали нисколько не меньше Ли Юя, а может быть, даже и больше. Отличие Ли Юя в другом – в большой самобытности и оригинальности его литературного таланта. «Он создает особый мир», – писал о нем один из современников. Едва ли не на всех его произведениях лежит печать яркой творческой индивидуальности, крупной личности, обладающей своеобразным талантом и оригинальными мыслями. В каждом из жанров литературы (в прозе, драматургии, а также в эссеистике) он оставил свой след, выделяясь среди других литераторов того времени, что и определило дальнейшую судьбу его творчества, впрочем, не всегда благополучную и далеко не однозначную.

Оригинальность жизненных концепций Ли Юя и, в частности, своеобразие его литературного творчества и эстетических взглядов принесли писателю не только хвалебную известность, но и сомнительную славу «необузданного таланта». За ним утвердилась репутация некоего оригинала – человека весьма талантливого, но не вполне серьезного (с точки зрения ортодоксальной морали) и даже безнравственного. Вплоть до XX века в Китае выходили под его именем книги довольно фривольного содержания (вроде «Тайного искусства сотворе-

Д. ВОСКРЕСЕНСКИЙ

ния радости Ли Ливэна»), которые к писателю, впрочем, не имели никакого отношения. Этот стереотип, несправедливый, но устойчивый, начал разрушаться лишь в последние годы, когда в Китае и в других странах исследователи-литературоведы глубже познакомились с творчеством Ли Юя, которое длительное время в полном объеме было мало кому известно и почти недоступно.

Современники чаще звали литератора Старцем Ли в бамбуковой шляпе – Ли Ливэном, как он сам себя называл. Ли Юй жил в XVII веке – в эпоху трагических потрясений. Он родился в 1611 году, а умер в 1679 (или в 1680) году. Первая половина его жизни, достаточно спокойная и благополучная, приходится на последние годы китайской империи Мин, а вторую ее половину писателю суждено было жить уже в иную эпоху иноземной (маньчжурской) династии Цин. Своеобразный водораздел этого страшного для страны столетия приходится на 1644 год – печально знаменитый год цзяшэнь, который писатель в своих произведениях называет «годом Смены треножника». Установление новой власти со всеми драматическими последствиями для судьб страны сказалось на жизни тысяч и тысяч людей. Для множества современников (в их числе был и Ли Юй) в одночасье рухнул привычный порядок бытия, а вместе с ним материальное благополучие, жизненные удобства, перспективы карьеры. Ли Юй родился и рос в обеспеченной семье аптекаря-торговца (писатель в молодости даже получил учennуу степень сюцая и пытался сдавать на более высокую степень цзийжэня – «вознесенного мужа»), однако «Смена треножника» перевернула всю его жизнь. Родные места (уезд Ланьси и город Цзинъхуа, где он жил и сдавал экзамены) оказались в эпицентре трагических событий. Сгорел дом, пропало небольшое поместье, Ли Юй фактически лишился средств к существованию. Может быть, в эти годы под впечатлением обрушившихся на него невзгод он и взял себе псевдоним (один из многих) «Разжалованного в простолюдины». В ту пору лихолетья Ли Юю пришлось скрываться в горах или прятаться у друзей, постоянно менять пристанище. Но пришло время, когда он вернулся в родные края. С помощью друзей ему удалось приобрести небольшой дом («тростниковую хижину» возле «могильных руин», как писал он в стихах), купить землю с холмом, который он назвал горою (и садом) Ишань (в переводе означает примерно: «Его Тамошняя гора»). Дальше мы уви-

СТАРЕЦ ЛИ В БАМБУКОВОЙ ШЛЯПЕ

дим, что для Ли Юя «гора», «сад» или «дом» означали гораздо больше, чем обычные места, где живет, гуляет, отдыхает или работает человек, — это некое убежище от житейских невзгод, пристанище, в коем тот черпает спокойствие и творческое вдохновение.

Судя по стихам и письмам к друзьям, Ли Юй в те годы влакил довольно жалкое существование, что послужило одной из причин его переезда в Ханчжоу — крупный торговый и культурный центр возле прекрасного озера Сиху. Здесь Ли Юй сформировался как профессиональный литератор. «Я продаю стихи, дабы прокормить родных», — писал он. В Ханчжоу он опубликовал первый сборник повестей («Безмолвные пьесы») и некоторые драмы. В конце пятидесятых годов переехал в Нанкин (Цзиньлин — Золотой холм, как он часто называет город в своих стихах и эпистолах). Бывшая столица династии Мин к тому времени, хотя и утратила несколько былое великолепие, однако не потеряла культурного значения. В Нанкине проживало множество известных литераторов, художников, ученых. Среди них такие знаменитые личности, как художник Чэнь Хуншоу, поэты У Вэйе и Ван Шичжэн; со многими Ли Юй был знаком. Известный литератор Юй Хуай даже, писал комментарии к некоторым сочинениям писателя. В Нанкине, особенно в городских кварталах близ реки Цинъхуайхэ, воспетой многими художниками, процветали книжные лавки, мастерские живописцев и ремесленников, действовали литературные общества и художественные салоны. Неудивительно, что город неудержимо притягивал литературную и артистическую публику, своеобразную богему — «фэн люжэн» («ветротекущих», или людей «ветра-потока»). Ли Юй принадлежал к этой артистической среде и был в ней знаменит, причем не только как литератор или деятель театра, но и как предприимчивый коммерсант-издатель, а также большой любитель жизненных удовольствий и оригинал. Современник писал: «Литераторы Поднебесной считают его мастером-наставником, поэты из Петушиного леса — своей путеводной звездой».

В Нанкине Ли Юй закончил собрание пьес, а также цикл повестей «Двенадцать башен», которые начал писать еще в Ханчжоу. Здесь же он основал театральную труппу, почти целиком состоящую из членов его семьи: жены и наложниц, а также челядинов-актеров. С этой труппой-семьей разъезжал по городам и весям. В письмах и стихах он говорил, что с домочадцами

Д. ВОСКРЕСЕНСКИЙ

исколесил «две части Поднебесной из трех». Труппа выступала, как правило, в знатных домах богатых чиновников — его знакомых, которым Ли Юй оказывал услуги и которые ценили его театральный талант, художественный вкус и жизненный опыт. В дальние края, однако, Ли Юя гнала вовсе не страсть к путешествиям, но необходимость зарабатывать деньги на жизнь семьи и труппы. В письмах он сетовал, что ему приходится кормить чуть ли не «тридцать — сорок ртов».

В 1669 году Ли Юй основал в Нанкине издательское дело — знаменитую печатню «Сад с горчичное зерно» (это название связано с наименованием небольшого поместья Ли Юя), из которой выходила разнообразная литературная и художественная продукция. В этой печатне, в частности, была издана знаменитая антология живописи — «Каталог живописи из Сада с горчичное зерно» — своего рода пособие для художников. «Горчичное зерно» — образ чего-то очень маленького, почти незаметного. Но в то же время в этой крохотной оболочке может таиться нечто крупное, даже грандиозное. В «горчичном зернышке», как говорили буддисты, может скрываться даже гора Сюймэйшань, то есть в нем заключена как бы вся вселенная. «Сад с горчичное зерно» — это тот микрокосм Ли Юя, где он общался с Природой. Он писал в стихах: «В дождь любуюсь струей водопада, при ясном небе — смотрю на луну. Утром внемлю пению птиц, ночью слушаю песен прекрасные звуки».

В последние годы жизни Ли Юй много ездил по стране, а в 1678 году, вернувшись на родину, принял решение обосноваться в Ханчжоу, который очень любил. Недалеко от озера Сиху, на склонах горы Юньцзюйшань (Обитель облаков) он построил дом, разбил небольшой сад, который назвал Садом-террасой (или Ступенчатым садом). В 1679 году он умер и был похоронен на южном склоне горы Девяти светил. Несколько десятилетий спустя могила Озерного старца в бамбуковой шляпе еще существовала. Во всяком случае, даже в начале XIX века об этом последнем пристанище литератора писал один из почитателей его таланта (некий Чжао Куанфу), но потом она затерялась среди окрестных могильных холмов.

В китайской литературе имя Ли Юя связывается прежде всего с драматургией, и в первую очередь с циклом «Десять пьес Старца в бамбуковой шляпе». Его перу принадлежат, вероятно, и другие произведения этого жанра, но их авторство

СТАРЕЦ ЛИ В БАМБУКОВОЙ ШЛЯПЕ

не подтверждено. Особенностью пьес Ли Юя является их жизненная наполненность, которая, в частности, подчеркивается обилием бытовых комических ситуаций (юмор, ситуативный и словесный, — одна из особенностей творческой манеры писателя). Во многих пьесах Ли Юй выступает как искусный мастер плести сюжетную вязь и создавать динамичную интригу. Это видно, скажем, в пьесе «Ошибка с воздушным змеем», где фабула строится на комической запутанности знакомств нескольких героев. Весьма замысловат сюжет известной пьесы «По воле небес» («Найхэтинь»), изобилующий фарсовыми ситуациями. Художественные достоинства пьес снискала Ли Юю известность в сценическом мире Китая. Интересно, что драмы Ли Юя, как и его рассуждения о театральном искусстве, примерно в это же время (то есть в конце XVII – начале XVIII века) стали известны за пределами Китая – в соседней Японии.

Ли Юй называл себя «старым рабом театра», вкладывая в это понятие глубокий смысл. Он был не только почитателем и ценителем этой области культуры (многие современники звали его шиланом – театральным мастером), но и участвовал в создании теории театра. Свои знания в области драматургии и театра он изложил в первой части книги «Случайное пристанище для праздных дум», которая в полном виде увидела свет в 1671 году. Три первых цзюаня (тома) этого интереснейшего сочинения целиком посвящены театру и драматургии. Два цзюаня (под названием «Цыцой» – «Драма») отражают специфику драмы, а третий цзюань (он имеет характерное название «Шэнжун» – «Звуки и образы») посвящен сценическому искусству. В частности, Ли Юй подробно пишет об особенностях актерского мастерства: каким должен быть актер, как он (или она) должен держаться в жизни и на сцене, как одеваться, носить украшения, совершать свой туалет. В книге содержатся советы для драматурга и актера едва ли не на все случаи жизни, это – своего рода практическая энциклопедия театрального искусства.

Поэтическое наследие Ли Юя не слишком велико, но весьма интересно, прежде всего своей теснейшей связью с эпохой и жизнью самого художника. Наиболее ярко оно представлено в книге «И цзя янь» – «Слово одного», в полном виде вышедшей в свет лишь спустя несколько десятилетий после смерти Ли Юя. Его поэтическое творчество в большой мере автобиографично. Он пишет о скитаниях в смутную пору («Семью

Д. ВОСКРЕСЕНСКИЙ

потерял, где скрыться от дыма и пламени войн? Притулился у вас, господин, — обманом попал к мудрецу), о запустении в стране («Куда взгляд ни падет — всюду одни пустыри. Из груди исторгается стон!»). Он вспоминает о друзьях, которых почти не осталось («Из былых знакомых у меня лишь ручей да луна»), часто сетует на бесприютность и бедность («Надо рты накормить, только вот что печально — даже зернышка нет!»). Есть стихи более оптимистические по содержанию. Он, например, с удовольствием вспоминает о своих встречах с друзьями, о путешествиях, о радостях бытия: «Дверь открыла: над зеленью вод вижу мостик, что к дальнему полю ведет. Близ моего очага прозрачный струится ручей, по бамбуковой трубке бежит ключевая вода».

Ли Юй был личностью известной во всем Южноречье (большой район вокруг Нанкина), о нем пишут многие современники, в том числе и весьма известные, такие как поэт У Мэйцунь, драматург Ю Тун (друг Ли Юя) и другие. У поэта У Мэйцуня есть стихотворение, посвященное Старцу в бамбуковой шляпе, в котором подмечены черты духовного облика Ли Юя: «На Западный склон переехал. Как отшельник живет средь лиан. Проносятся месяцы, годы... Их словно не видит шилан...» В глазах современника этот «раб театра» словно не знает счет времени, он живет праздной жизнью, свободный от мирских пут, как некий отшельник-эпикурец, вроде тех «бессмертных из Бамбуковой рощи», о которых сам Ли Юй писал в своих произведениях.

Современники воспринимали писателя как оригинала из круга «фэнлю», склонного к неожиданным, подчас необъяснимым поступкам. В эпоху Ли Юя таких людей нередко звали также «ижэнь» — чудаками. Оригинальность поступков и мыслей была как бы их привычкой и второй натурой. В ней проявлялся их своеобразный характер, неординарный талант, часто отмеченный чертами откровенного эпатажа. Многие представители этой «культурной богемы» не просто удивляли, но и шокировали современников своим поведением. Например, художник Чжу Да, павший в это же время, годами не раскрывал рта, а другой знаменитый художник — Ши Тао прикидывался слепцом. Некоторые из них приняли постриг (как, например, литератор Дун Юэ — автор «Дополнения к Путешествию на Запад»), другие старались проявить свою «странность» в эксцентричных и замысловатых именах и прозваниях («Старый

СТАРЕЦ ЛИ В БАМБУКОВОЙ ШЛЯПЕ

безумец из Восточного Лу» и т.п.). Тот же Ши Тао называл себя Монахом Горькая тыква или Слепым изваянием, а Ли Юй стал Разжалованным в простолюдины и Гостем-дровосеком. Подобное «оригинальничанье» не просто дань моде или традициям, но и жизненная позиция, в которой проявлялось неприятие сложившихся стереотипов жизни, попытка творчески одаренных людей утвердить свою индивидуальность.

Духовный мир Ли Юя всесторонне отражен в его прозаическом творчестве, раньше мало привлекавшем внимание исследователей. Правда, многое в нем требует уточнения (например, проблема авторства некоторых произведений). Проза Ли Юя включает в себя три цикла повестей и два романа, авторство которых вызывает споры. Наиболее ранний цикл – «Безмолвные пьесы» (всего их двенадцать). Написанные, в общем, в традиционном ключе (по своему сюжету это главным образом любовные и бытовые произведения с оттенком авантюристичности), они были опубликованы в пятидесятых годах XVII века. Впоследствии Ли Юй на основе этого цикла выпустил другой сборник, фактически с теми же произведениями, но под другими наименованиями. В полном виде (восемнадцать повестей) он сохранился лишь в Японии. Сюжеты многих повестей тесно соприкасаются с содержанием пьес Ли Юя, например сюжет известного произведения «Рыба камбала», и эта связь разных жанров уже заложена в самом названии сборника («Безмолвные пьесы»). Она проявляется также в художественной структуре произведений, в характере развития действия, в специфике героев, в особой «театральной» фразеологии, которая в обилии встречается в прозаическом тексте. Влияние драматургии ощущается также и в романах (например, в романе о Вэйяне), где действие происходит как бы на сцене невидимого театра.

Цикл «Двенадцать башен», появившийся несколько позже, ознаменовал новый этап в творчестве Ли Юя – прозаика, охарактеризованный значительно более высоким уровнем художественного мастерства. Этот цикл, большая часть которого представлена в данном сборнике, писатель создал в пору творческой зрелости. В своих произведениях он развивает лучшие традиции жанра повести, ярко проявившиеся ранее в знаменитых собраниях Фэн Мэнлуна и Лин Мэнчу. Не случайно цикл Ли Юя имеет и другое название, очень близкое наименованиям сборников Фэна: «Слово знаменитое, мир пробуждающее». Действительно, повести Ли Юя воспроизво-

Д. ВОСКРЕСЕНСКИЙ

дят стиль предшествующей прозы: сказовый характер повествования, особенность композиции, слог, однако в них можно заметить и нечто новое — черты авторского художественного видения, яркого индивидуального стиля. Его повести — это уже не те старые «хуабэнь» («основы рассказа» — подстрочки для сказителя), которые ведут свое начало от Сунского сказа, отличаются они и от «подражательных хуабэнь», популярных в эпоху Мин.

Ли Юй был большим мастером рассказа, умевшим как в устной беседе, так и на письме увлечь слушателя и читателя. Современники отмечали «удивительность и новизну», свойственную его письму. Сам же он подчеркивал, что стремится «обновить слух и зрение» современников. Элемент «интересной беседы» писатель вводит в прозу и пьесы, благодаря чему сюжет произведений делается более динамичным, а действие — занимательным. «Интересность» историй усиливается юмором, который в произведениях этого литератора принимает самые разные оттенки: от легкой иронии до сарказма. Современники нередко писали и о его «грубой шутливости». Ли Юй не чурается в своих произведениях фривольностей и эротизма, которые обычно носят у него черты утонченной чувственности.

Ли Юй написал два небольших романа, хотя авторство обоих полностью не доказано (до сих пор не найдены авторские рукописи или экземпляры с авторскими замечаниями). Это — «Повествование о круговых письменах» («Хуэйвэнчжуань») и «Подстилка из плоти» («Жоупутуань»). Они написаны в разной манере и как бы «разным слогом»: первый в традиционном романтическом ключе (роман о верной любви), а второй в манере бытового нравоописательного рассказа, который восходит к знаменитому роману конца XVI века «Цзинь, Пин, Мэй». Наиболее интересен второй роман, так как именно в нем выражены некоторые характерные тенденции эпохи и мироощущение самого автора.

В XVII веке китайское общество переживало не только большие потрясения, но и весьма интенсивное и динамичное развитие. Особенностью того времени была, в частности, широкая демократизация жизни в связи с расцветом китайского города и ростом городского населения (торговцев, ремесленников). Новые вкусы и привычки, общественные и личные пристрастия и эстетические требования этих вновь рождающихся городских слоев сказывались на общем состоянии культуры и

литературы. Не случайно широкую популярность приобрели «демократические жанры»: повесть и роман, народные песни и повестушки. В жанрах и стилях литературы происходили значительные трансформации, что, например, проявилось в «заземленности» сюжетов, упрощенности ситуаций, травестийности героев, относительной простоте литературного языка и в «грубости слога». В литературе получили распространение черты гедонизма и чувственности, что, вообще говоря, было свойственно атмосфере эпохи. Эти тенденции были характерны для среды аристократии, торгового сословия, а также для самого императорского двора. В литературе же, отражая тенденции жизни и нравов, появились такие произведения, как «Повествование о глупой старухе», «Жизнеописание господина Желанного», упомянутые, кстати, в публикуемом в этом сборнике впервые на русском языке романе «Полуночник Вэйян, или Подстилка из плоти».

Сюжет этого произведения довольно прост, даже банален. Он развивается как авантюрное приключение любвеобильного студента Вэйяна (своего рода китайского Дон-Жуана). Отвергнув благие советы отшельника Одинокого утеса, Вэйян встал на путь любовных удовольствий и плотских утех, дабы познать (как говорит герой) смысл жизни. Однако постижение земных радостей оборачивается для героя самым плачевным образом, а его отнюдь не благие устремления терпят крах. Разочарованный в жизни, он вспоминает пророческие слова достойного инока и «меняет колею». Однако его «прозрение» достигается слишком высокой ценой — самооскоплением. Впоследствии свой «брег спасения» он находит в монашестве. Грехопадение и прозрение героя отражены в двух авторских названиях романа: одно («Подстилка из плоти» — здесь под словом «подстилка» имеется в виду молитвенная циновка монаха) намекает на путь плотских утех, по которому долгое время следовал герой (первая часть романа), а второе («Просветление, пришедшее с прозрением» — «Цзюэхоучань») намекает на то откровение («прозрение»), которое снизошло на Вэйяна в конце его жизненного пути. В китайском тексте «просветление» и «прозрение» соответственно выражены многозначительными словами «чань» (буддийское просветление) и «цзюэ» — «пробуждение и осознание». Кстати, некоторые прозаические произведения Ли Юй подписывал псевдонимом Прозревший праведник.

Авантюрный сюжет, представляющий собой цепь любов-

Д. ВОСКРЕСЕНСКИЙ

ных приключений Вэйяна, далеко не исчерпывает содержание этого весьма емкого по мысли произведения. В занимательном действии скрывается глубокая идея о смысле, цели и предназначении человека в жизни. Этими мыслями часто наполняются монологи и диалоги героев романа, нередко принимающие форму своеобразных философских диспутов. С одним из подобных споров о смысле бытия читатель сталкивается уже в первых главах, где старый отшельник старается раскрыть перед юношей смысл достойных деяний, а его собеседник, отвергая благие советы, пытается доказать, что смысл бытия заключен в познании человеком радостей жизни. Этот диспут, по существу, продолжается до самого конца романа. В общем он отражает те споры, которые происходили в китайском обществе той поры, — споры между идеей конфуцианской добродетели или буддийской аскезы и жизнеутверждающей силой бытия. В романе всесильная идея воздания за поступки побеждает, а сам герой под ударами судьбы вынужден признаться в своих прегрешениях и раскаяться. Надо сказать, что в рамках буддийской идеи Инь — Го (Причины — Следствия) и «Колеса судеб» развивалось множество сюжетов в литературных памятниках того времени, и едва ли не в большинстве идея всесильной Кармы одерживает победу.

Суровый финал произведений (как в нашем романе) в общем предопределен. Но тогда почему же столь прельстительны картины изображенного бытия — все эти любовные приключения, бесконечные утехи «за спальным пологом» и непрестанные наслаждения? Почему автор с явным удовольствием, даже с неким упоением живописует картины карнального бытия? В романе об этом говорится устами автора и комментатора: дабы наглядно показать «мерзость блудодейства», то есть ту страшную опасность, которая таится в страстиах человеческих. Но человек, осознавший эту опасность, способен исцелиться («провернуть главу») и прозреть. Автор в первой главе пишет, что, показывая «радости за спальным пологом», он надеется излечить людей от «темных страстей», как искусный врачеватель лечит больного лечебной иглой. Однако в авторских рассуждениях звучит и чисто прагматическая мысль: «Если бы автор написал эту книгу как-то иначе, ее никто не стал бы читать и она, наподобие оливы, оставила бы во рту горький привкус». Между тем автор желал, чтобы его произведение напомнило бы читателю «сладкий финик».

И все же главное, что побудило автора написать свое сочинение именно в таком ключе, — это желание показать жизнь такой, какова она есть в действительности, без прикрас и укращательства — жизнь в кипении ее страстей. Отсюда черты фривольности и откровенного натурализма, которые шокировали тогдашних пуритан. Вполне возможно, это был своеобразный вызов тем нравоучителям-ортодоксам, которые в своих сочинениях намеренно уходили от реальной жизни. Автор продолжал традицию изображения нравов, которая восходила к его недалекому предшественнику — анонимному автору романа «Цзинь, Пин, Мэй», хотя два этих произведения похожи далеко не во всем.

Читатель может обратить внимание на то, что автор, рассуждая о жизни и поисках в ней «правильных путей», часто говорит о Яншэн — правилах поддержания жизни, об Инь и Ян (мужская и женская силы природы), о «первозданном духе» и т.д. Иначе говоря, в романе затрагиваются проблемы философии и религии, медицины, волшбы и пр. Все они возникли в романе не случайно, ибо волновали общество того времени. Например, в главе, повествующей о встрече героя с лекарем-ведуном, тот излагает юноше теорию о взаимоотношении светлых и темных сил (Инь — Ян), способах сохранения «первозданного духа» — «юаньци». Подобные рассуждения можно видеть в разных местах этого и других произведений Ли Юя. Они отражают важную сторону миросозерцания литератора — его «философию и практику жизни».

Особое место в учении Ли Юя о человеке и окружающем его мире занимает Небо, выступающее в образе Природы. Небо (у писателя оно часто называется Творцом Всего Сущего — некий Творец-Демиург) и все созданное им в этом мире, то есть Природа, окружающая человека, — есть высшая ценность нашей жизни, поэтому литератор подчеркивает исключительную важность содеянного Небом-Природой. Человек не должен грубо вмешиваться в естественные законы Неба и Природы, не только их не искажать, но и не исправлять, потому что лучше того, что есть в Природе, быть не может. Человек может лишь как-то их дополнять, но только так, чтобы подчеркнуть естественную красоту окружающего мира. Вот почему в своем сочинении Ли Юй огромное внимание уделяет деревьям и травам, животным и птицам. «Творец Всего Сущего рождает цветы и птиц, дабы чаровать человека», — пишет Ли Юй. Мы видим

Д. ВОСКРЕСЕНСКИЙ

у него антропоморфное отношение к растительному и животному миру. Не только животные, но даже букашки и растения у него «очеловечены», поэтому они способны чувствовать и даже думать, а сам человек, если он, конечно, способен понять этот одухотворенный мир, может почерпнуть «истинную радость» бытия. Восторг писателя перед Природой-Творцом с замечательной силой раскрывается в таких его словах: «Когда я сажаю цветы, соперничающие друг с другом своим изяществом, или наблюдаю за птицами, показывающими свое певческое мастерство, я всякий раз обращаюсь со словами благодарности к Природе за то, что она сотворила. Подобно верному почитателю Будды, как добный муж или достойная старица, я готов поставить на ее алтарь все напитки и яства. По ночам я ложусь спать лишь после того, как уснут цветы, а утром встаю до пения птиц. Я боюсь одного: вдруг ускользнет от меня какой-нибудь звук или цвет. Я испытываю боль при виде увядшего цветка или одряхлевшей птахи. Мне кажется, что я что-то потерял».

Неудивительно, что Ли Юй всю свою жизнь посвятил (кроме театра и литературы) искусству, в частности садовому искусству, и очень гордился тем, что своими руками создал заповедный мирок – Холм Ишань, или Ступенчатый сад. В эссе он подробно пишет, как и какие деревья надобно сажать в определенное время года, как украсить сад искусственной горкой, изгородью, увитой пышными цветами, или проложить красивые дорожки, выложенные камешками с голубиное яйцо. В единении с Природой Ли Юй не только находил душевный покой, но и черпал творческие силы. Он жил так, как сказал о себе его современник, замечательный художник-отшельник Ши Тао: «Я могу писать пейзаж лишь в том случае, если я разговариваю с горами». Горы, воды, леса – словом, вся окрестная природа, как и сама жизнь, была для Ли Юя источником внутренней радости и творческого вдохновения. В «Случайном пристанище...» часто говорится о «создании радости» (радость от сна, от сидения, стояния, радость в пути и т. д.), о «праздном» состоянии духа. Писатель вкладывал в это понятие особый смысл. «Праздность» для него была состоянием некоей внутренней гармонии («умиротворенности души») и духовной раскованности, которая порождала чувство радости душевной. Это своего рода *Far niente*, о котором когда-то писал Пушкин, – состояние «сладкой неги и свободы», являвшееся основой для творческого озарения.

СТАРЕЦ ЛИ В БАМБУКОВОЙ ШЛЯПЕ

В последние годы творчество Ли Юя, сама его незаурядная личность, привлекают растущее внимание как в Китае, так и за рубежом. В родных местах писателя (город Ланьси) открыт мемориальный музей, устраиваются конференции и семинары, посвященные его творчеству. В Китае и других странах выходят книги, многочисленные статьи о Ли Юе, делаются переводы его произведений (в основном прозы).

Д. Воскресенский

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Не таясь говори о беспутных деяниях, дабы пресечь поветрие
блуда; помни, что истоки его скрыты в любовных страстиах*

В стихах говорится:

Быстро поблекнут алые краски лица,
В черные волосы серая лезет пыльца —
С вечнозеленой сосной человек несравним...
Слава померкнет, и счастье куда-то уйдет,
Цвет облетевший порывами ветра взметет.
Юный в саду удовольствий любви не найдет,
Немощный старец оттуда и вовсе гоним.

Отпрыскам знатным так любо напевы ценить,
Долгие, длинные, как золотистая нить,
Любо им зелий отменных вдыхать аромат,
Но — исчезает вдруг место игривых услад.
Очень заманчиво тот или этот герой
Нам об искусстве постельном* толкует порой,
Но не со славой же это искусство сравнить!

Ранние радости скорбный имеют конец.
Всеми забавами тепшится, смотришь, юнец,
Колокол ранний заслышишт — и тут же в испуг,
Вот и глаза ошарашенно смотрят вокруг:
То ли встает перед ними весенний дворец*,
То ль поменялись местами с Землей Небеса,
То ли иные являются им чудеса...¹

¹ Перевод стихов в романе. Ярославцев Г. Б., 1993 г.

В этих стихах, которые мы назовем «Зал, полный ароматов», говорится о том, что жизнь человеческая ежечасно и даже ежеминутно рождает множество бед и злоключений, ибо в каждом поступке человека таятся тревоги и беспокойства, а потому ни в чем, даже в ничтожной вещице, вы не найдете ни проку, ни пользы. К счастью, еще в далекой древности жили совершенноумдрые люди, способные, как говорится, «развернуть Небо и Землю». Кто-то из них, как видно, и придумал любовное чувство между мужчиной и женщиной и подарил его людям, дабы те ослабили свои тревоги и развеяли печали и всяческие заботы, — в общем, чтобы не слишком скорбели бы они душой. Но уже в те далекие времена некоторые ученые конфуцианцы заметили, что женское лоно не только дарует радость новой жизни, но порой несет и погибель. Правда, другие, не менее сведущие в земных делах мужи, утверждали обратное: если бы не было-де в жизни подобных удовольствий, то у множества людей волосы поседели бы на много лет раньше, а годы их жизни, несомненно, сократились. Возможно, вы не поверите этим словам. Но вот взгляните на монахов. Среди них есть иноки, коим уже за сорок, а то и все пятьдесят, между тем седина, кажется, даже не тронула их волос, у иных же, чьи годы перевалили за семьдесят и даже восемьдесят, стан все еще остается прямым — нисколько не согнулся! Позвольте спросить: а почему? По словам мужей многоопытных, сие явление объясняется тем, что «ушедший из семьи»*, прекрасно представляя свою дорогу в жизни, ведет себя как простой смертный. Он, к примеру, не прочь завести любовную интрижку с красоткой, а порой, глядишь, и порезвиться с юным послушником. Заметим, однако, что если ему не удастся сохранить первозданный дух и укрепить свои корни, то, значит, не иметь ему никакого долголетия.

А теперь присмотримся к евнухам, живущим в столичном граде. Им, как известно, не дано блудить с женщиной или развратничать со своими учениками. Куда им? Ведь нет у них главного — того самого орудия, которое служит человеку в любовных утехах. На первый взгляд

покажется, что при столь суровом посте, выпавшем на их долю, они могли бы прожить никак не меньше нескольких сотен лет. Если так, то почему же лицо скопца изборождено множеством морщин? Ведь их у него куда больше, чем у других. И почему у него так рано побелели волосы? Скопца обычно величают «почтенным родителем», однако куда уместнее называть его «почтенною матушкой». Не так ли?

Напомню вам и то, что, скажем, в столице вы часто можете встретить торговцев, у коих на лавке красуется вывеска со словами «Вечная жизнь»*. Однако вам вряд ли удастся отыскать хоть одного *нэйсяна**, в честь столетия которого воздвигли бы торжественную арку*. Отсюда следует, что любовные утехи, по всей видимости, не наносят человеку особенно большого вреда. Надо, однако, заметить, что в фармакопее «Бэнъцяо» — то бишь в «Каталоге корней и трав»* — ничего об этом не говорится. Нет об этом ни единого слова и в комментариях к книге. Словом, мнения на сей счет, как мы видим, бытуют самые разные. Одни говорят, что утехи полезны, так как укрепляют здоровье; другие твердят, что они-де несут один лишь вред. Если прибегнуть к сравнению (не забыв, понятно, жизненный опыт), то можно сказать так: любовные утехи весьма и весьма полезны для человеческого организма, ибо играют роль своеобразных целебных снадобий вроде жэньшэня или растения аконит, которые, как вам известно, используются при сонии. Но не следует забывать и о том, что аконит и жэньшэнь, как и другие подобные лекарства, являясь укрепляющими средствами, приносят пользу лишь тогда, когда их употребляют по-немногу и длительное время. Помните, что они все-таки зелья, а не обычная пища. Если вы станете пожирать их без меры или не вовремя, они нанесут огромный вред организму. Такой же вредоносной может оказаться и телесная связь с женщиной. Однако, если прибегать к ней длительное время и пользоваться ею размеренно, она непременно явит свои достоинства, ибо стихии Инь и Ян* в этом случае как бы взаимно дополняют друг друга. Наоборот, если прибегать к ней без меры, она обернется

величайшей бедой. Подобное обычно происходит, когда сталкиваются вместе первозданные силы воды и огня*. Итак, любое лекарство может доставить радость, ибо оно облегчает работу внутренних органов и способствует рассеиванию печалей. Наоборот, даже самая лучшая пища порой способна причинить вред, ибо она наносит ущерб первозданному духу*, истощая кровь человека. Вот почему людям следует твердо усвоить, что к плотским утехам надо относиться как к лечебному снадобью, которое употребляют не слишком часто, но и не редко; не гнушаются им, но и не пресыщаются. Еще до сближения надо помнить, что соитие есть лекарство, а вовсе не яд, а потому не следует держать в сердце страха. В то же время в минуты сближения не надо забывать и о другом: хотя соитие и снадобье, оно, однако, вовсе не пища, а потому пресыщаться им крайне опасно. Если все люди будут помнить об этом и сообразно поступать, то стихии Инь и Ян не понесут никакого ущерба. И разве люди не получат от этого пользу?

Вот еще о чем надо помнить. Снадобье, о коем мы здесь говорили, похоже по своим свойствам на жэньшэнь и аконит, однако меж ними существует большое различие, причем не только в их происхождении, но и в способе использования. Тот, кто принимает названные лекарства, должен знать, что они проявляют свои замечательные свойства тогда, когда, как говорится, они «занемениты», но оказываются совершенно бесполезными, если являются «местными продуктами». С любовными утехами дело обстоит как раз наоборот. Они хороши именно в своем натуральном, «доморощенном» виде. Что до «именитости», то в этом виде они не только бесполезны, но даже вредны.

Вам, конечно, небезинтересно узнать, что имеется в виду под словами «именитый» и «доморошенный». Постараюсь вам объяснить. Представим, что у вас есть жена и наложница, которые, как говорится, в любой момент к вашим услугам. Их не нужно где-то искать на стороне, не надо платить за них большие деньги, ибо они, так сказать, произрастают под боком, в «местных

условиях». Вы проводите с женщинами время, когда вам вздумается, даже целые ночи, и они не станут ни в чем вам перечить или роптать. Понятно, они не испытывают ни малейшего страха, когда вы неожиданно постучите к ним в дверь. Поэтому близость с ними не нарушит вашего первозданного духа и может принести лишь пользу всем вашим действиям, предначертанным предками. От такого гармоничного союза чувств ваше тело как будто наполняется могучей силой, что, разумеется, помогает оздоровлению всего вашего организма.

Иногда говорят: «Женское очарование является себя за «красными дверьми»*, а грациозность скрывается в узорных покоях; домашняя курочка кажется несколько «пресной» и свежестью своей уступает «дикой уточке». Надобно, однако, помнить, что оперение такой «уточки» слишком быстро тускнеет, между тем как «курочка» из дальних покоев дома почти не увядает. Вот это мы и имеем в виду под «именинностью» и «доморощенностью», или «истинностью». Понятно, вам могут постоянно мечтаться красотки, и вы даже видите их во сне. Вы стремитесь ими обладать. Охваченные любовной страстью, вы стараетесь разжечь чувства какой-нибудь красавицы. Чтобы укрепить любовный союз с ней, вы подносите ей богатые дары. Ради нее вы, как говорится, готовы перепрыгнуть через любую стену и проползти в любую щель.

Да, плотская страсть человека громадна, как Небо, но душа его трепещет, подобно испуганной мыши. Человек все время словно кого-то боится, хотя никто не догадывается о его проделках. Его тело покрывает не любовная испарина, а пот ужаса. А все это оттого, что, хотя его страсть безмерна, дух смелости и геройства в нем поистине ничтожен. Плоть его можно уподобить бездонной пучине, в которой скрыты великие беды. Этот человек рано или поздно погибнет, ибо он постоянно и незаметно, скрыто и явно разрушает свои достоинства, ломает сложившиеся установления и правила. И этой судьбы уже не изменить!

Да, у этого человека есть жена, однако где-то недалеко скрывается другая женщина, совсем недостойная, что,

несомненно, чревато весьма печальными последствиями. Поэтому в делах любовных не следует отвергать старое ради нового и, как говорится, пренебрегать ближним ради дальнего. Автор сей книги из самых лучших, можно сказать, «материнских», побуждений намерен дать своим современникам такой совет: «Умерьте страсти свои, не потворствуйте им. Держите в тайне любострастие, не раскрывайте его перед людьми!» Читающий сию книгу, правильно пойми намерение автора и не соверши ошибки! Понятно, ты можешь спросить автора, почему он, так рьяно заботясь о людских нравах и стремясь (как он сам признался) пресечь распутство, не написал серьезной и достойной книги? Почему произвел на свет сочинение о «ветре и потоке»*, то бишь о «ветротекущих»*? Уважаемый читатель, ты, видно, чего-то недопонял. Чтобы изменить людские нравы и повадки, надо прежде знать их силу и уже после этого умело направить их в нужное русло. Тогда сказанное слово все воспримут с необыкновенной легкостью. Известно, что нынешние люди испытывают трепет перед священными канонами и жизнеописаниями разных мудрецов и предпочитают читать «вольные истории»*, написанные обычными литераторами. Им, по всей видимости, донельзя надоело слушать разговоры о верности, сыновней почтительности, целомудрии и долге, а потому по душе такие сочинения, где живописуются человеческие страсти или рассказываются всякие небылицы. Нынешние нравы, как известно, крайне неустойчивы и зыбки. Поэтому, напиши я серьезную книгу, начиненную разными добрыми советами, ничего путного из этого не получится, потому что никто из ныне живущих не стал бы тратить свои деньги на подобное сочинение и никто не стал бы его читать. Но представим, что все же нашелся такой достойный человек, ну, скажем, собиратель редкостей или некий щедрый даритель, который рискнул издать подобную книжонку. Он сделал переплет-футляр и вместе со своей именной карточкой послал книжонку кому-то из знакомых. И что же? Увы, тот разорвет мою книжонку в клочья, сделает из нее затычку для жбана или соорудит

табачную закрутку. В общем, он не удостоит строки даже взглядом.

Любовные деяния тронут его куда сильней. Скажем, читая сию книгу и войдя во вкус, он вдруг наткнулся на фразу, которая кольнула его, будто лекарская игла. Читатель наш остолбенел и со вздохом молвил: «До чего же хороша любовь! Я готов вкушать ее всегда и всюду, даже если мне придется стать оборотнем-пионом* или другим наваждением. К чему гоняться за эфемерной славой, когда жизнь проходит мимо?» И тут наткнулся он на другое место в книге, где речь идет о воздаянии. Сказано об этом как будто между прочим, совсем неприметно, но сии слова заставили читателя прозреть. «Ну и ну! Оказывается, вот к чему ведет распутство! Чур его! Пусть лучше радости вкушать я буду у себя дома с моими женами! Недаром существует поговорка о сияющей жемчужине*, коей стреляют в птицу. Есть на этот счет и другая поговорка: «Взял в долг фальшивые деньги, а возвращать приходится настоящие!»

Итак, тот человек, глубоко задумавшись, в конце концов решил сойти с опасного пути. И как только он это сделал, тут же сильно возлюбил свою жену, а та в свою очередь прониклась к супругу большим почтением. Именно такие преображения происходили в историях Чжоунань и Шаонань, описанных в «Книге песен»*. Словом, надо учить людей на их собственных поступках, а править ими, исходя из их деяний. Заметим к слову, что к подобному средству прибегают не только литераторы – авторы «вольных историй», но и совершенномудрые*, например те, кто создал в свое время великие каноны. Не верите? Тогда напомним вам историю о Мэн-цзы*, который во времена Борюющихся царств* разъяснил цис-кому Сюань-вану* секреты достойного и справедливого правления. Как вам известно, владыку влекли «звуки и цвета»*, богатые товары. Одним словом, он сильно пристрастился к любодеяниям, дорогим нарядам и украшениям, а потому совсем забросил дела правления. И все же советы Мэн-цзы государь воспринял с одобрением.

– Прекрасные слова! – сказал правитель Ци.

— О государь, если вам они понравились, — заметил мудрец, — почему вы не ведете себя как надо?

— Я, Одинокий*, имею страсть, ну прямо как недуг: я обожаю все красивое!

И тогда Мэн-цзы поведал ему историю некоего гуна* Лю, который тоже любил красивые вещи.

Сюань-ван на то заметил:

— Но у меня есть и другая страсть: я очень люблю женщин!

И он открылся мудрецу, сказав, что с удовольствием последовал бы примеру государей Цзе и Чжоу*. Словом, Сюань-ван отверг советы мудреца, все его призывы к достойному правлению.

Заметим, что если бы в тот момент рядом с владыкой Сюань-ваном оказался какой-нибудь другой наставник, он не преминул бы сурово осадить правителя и рассказал бы ему о бедах, которые несет с собой любодеяние. Ведь еще в давние времена при жизни древних императоров на сей счет существовала такая заповедь: «Из-за любовной страсти простолюдин теряет свою жизнь, вельможа — свою должность, удельный князь — удел, монарх теряет всю Поднебесную!» Если бы в тот момент Сюань-ван услышал эти слова, он сразу бы подумал (хотя, возможно, вслух и не сказал): «Недуг того монарха проник в самое нутро — он неизлечим, как неизлечима слепота! Увы! Никакой наставник ему уже больше не поможет!»

Но Мэн-цзы поступил иначе. Чтобы привлечь внимание владыки, он рассказал ему презабавную любовную историю о некоем государе, который также имел большую страсть к женщинам. Забавная история, поведанная мудрецом владыке, вызвала у того неудержимый приступ веселья. Он зашелся в хохоте и в крайнем возбуждении потирал руки. В истории говорилось о древнем правителе, который не захотел расстаться с возлюбленной даже в минуту смертельной опасности. Подобная склонность к любовным утехам свидетельствовала о его крайней распущенности. Рано или поздно эта страсть должна была привести его к гибели, а страну — к развалу. Увы! Страсть этого государя к утехам послужила дурным примером и для жителей страны, которые, как и их владыка, презрев

осторожность и опасность, старались вкусить плотские радости без меры. Дурной пример заразителен! Недаром есть такие слова: «У осиянной солнцем весны* выросли длинные ноги, а Небо с Землею потеряли хозяйскую зоркость!» В общем, подданные во весь голос расхваливали своего государя, и ни у кого не повергался язык сказать, что он ведет себя недостойно.

Но сей рассказ подействовал на Сюань-вана. Он изменил свое поведение и стал усердно заниматься делами правления. Впредь уже более никому не пришлось напоминать ему о его ошибках.

Вы видите, что автор весьма старательно пишет обо всем этом в своей книге, ибо надеется, что читатель воспримет ее не как мелкий «незначительный рассказ», но как своеобразное откровение из канона или исторического сочинения. И он надеется, что читатель увидит в его сочинении слова напутствия, которые, будто лечебная игла, кольнут его, и он сразу же задумается над прочитанным. Он увидит в книге описание любовных связей — «радостей за пологом», словом, те картины, которые близки к изображению деяний непристойных. Однако, увидев перед собой все это, читатель поймет, к чему ведут подобные поступки. Они послужат ему предостережением в жизни. Если бы автор написал эту книгу как-то иначе, ее не стал бы никто читать или она, наподобие оливы, оставила бы во рту горький привкус. Я же все изобразил иначе, чтобы читатель проглотил ту самую оливу, но спрятанную в сладком финике. Теперь олива уже не оставит неприятного привкуса.

Читатель, тебе, по всей видимости, уже надоели мои долгие рассуждения, а потому загляни в следующую главу.

ГЛАВА ВТОРАЯ

*Старый монах зря раскрывает свою кожаную суму;
юный паломник предпочитает ей подстилку из плоти*

Рассказывают, что в годы Достижения гармонии* династии Юань в горах Коцаньшань — Всеохватывающей

лазури — жил старец со святым именем Чжэньи, что значит Единственный из достойных, по прозванию Гуфэн — Одинокий утес. Уроженец Чучжоу*, он прославился в своем окружном училище как большой ученый-книгочей. По всей видимости, сей почтенный муж таил в себе задатки грядущих радостей, потому что, когда он еще лежал в пеленках и младенчески лепетал что-то, всем окружающим казалось, что дитя читает священный текст, ну прямо как послушник, который заучивает слова сутры*. Однако никто, даже родители, не могли ничего разобрать в странных звуках. Однажды служанка с дитятей на руках вышла за ворота, и как раз в этот момент у дома оказался странствующий монах, который пришел просить подаяние. Инок взглянул на дитя (ребенок в то время не то плакал, не то смеялся — с первого взгляда понять невозможно) и промолвил:

— Дитя читает священную сутру «Лэнъянь», ибо он является собой воплощение святого наставника-гаосэна*.

Монах попросил родителей отдать младенца ему в ученики, но родители не поверили и отказали, решив, что просьба инока таит в себе нечистые помыслы. Прошло изрядное время с тех пор, ребенок подрос, и родители отдали его в учение, в коем тот проявил необыкновенные способности и усердие. Стоило мальчику пробежать глазами какую-то книгу, он тут же мог повторить ее наизусть. Но вот что странно: мальчик ни за что не хотел учиться ремеслам, которые обычно ведут человека к известности и служебным чинам. Он отверг (причем многократно) конфуцианскую мудрость и обратил взор к буддийскому учению. Родители строго наказали его за такое непослушание, и он, подчинившись их воле, отправился на экзамены. Однажды он «приблизился к Пруду учености» и стал ждать вакансию на должность. Но тут нежданно-негаданно его родители умерли, целых три года он соблюдал положенный траур, после чего раздал родственникам все свое состояние, острог власы и с кожаной сумою в руках (в ней лежали сутра и «деревянная рыба»*) отправился в горы, дабы совершить там обряд очищения. Для тех, кто близко знал его, он стал настав-

ником Одинокий пик, а все остальные обычно величали его монахом Кожаная сумы. Одинокий утес отличался от остальной монашеской братии. Он не только строго соблюдал воздержание от вина и мяса, отвергал блуд и всяческие нечестивые деяния, но к тому же свято чтил три заповеди, которые монахи в своей жизни обычно не соблюдают. Так, он никогда не просил подаяния, не старался растолковывать священные сутры и наотрез отказывался жить в знаменитых горах. Понятно, многие спрашивали его, почему он, к примеру, не просит подаяния. Он ответствовал так:

— Лишь пройдя через тяжелые испытания, можно войти во Врата закона* и тем самым постичь учение Будды, а потому следует закалять в тяготах свою плоть и держать чрево в голоде. Если тебя изо дня в день окружают хлад и голод, то в душе твоей не смогут родиться блудливые мысли и страсти, все мутное и грязное начнет постепенно из тебя уходить, уступая место чистому и светлому. И если так будет продолжаться непрерывно и долгое время, то рано или поздно ты станешь Буддой. И наоборот, если изо дня в день ты будешь жить подаянием, которое даруют тебе твои благодетели, словом, питаться, не обрабатывая землю, а одеваться — не прядя пряжу, то никакого проку в твоей жизни не будет, ибо постоянная дума о том, как поскорее набить чрево, породит праздную леность, подобно тому как и желание держать свою плоть в тепле и неге — ленивую дрему. Но праздность обычно порождает желания и страсти, а дрема — пустые мечтания. Разве возможно с их помощью постичь учение Будды? Увы, никогда! Ибо они разными путями незаметно подведут тебя лишь к вратам преисподней. Вот почему я отвергаю подаяния и живу лишь тем, что дают мне мои силы.

Кто-то спросил, почему Одинокий утес не любит разъяснять священные сутры.

— Все, что написано в сутрах и священных писаниях, суть слова, исходящие из уст Будды и бодисатв*, а потому только им дано знать их сокровенный смысл. Поэтому всякое их толкование в грубых устах — не более чем бред

безумца. Вспомните Тао Юаньмина*, который, читая книги, никогда не стремился дальше, чем нужно. Казалось бы, этот истинный сын Срединной империи прочитал разные сочинения, однако даже он не осмеливался идти дальше положенного. Но сейчас находятся люди, наши современники, которые, начитавшись заморских книг, торопятся их перевести на наш язык, сопровождая перевод досужими измышлениями. Что до меня, то я не осмелюсь называть себя каким-то особо заслуженным мужем, коему данено право прислуживать буддам и бодисатвам. Мне достаточно одного: не преступить их учение. Вот почему, прекрасно сознавая свое тупое невежество, я и начертал для себя запрет: никому не растолковывать сутры.

Еще кто-то спросил его, почему учитель отказывается жить в знаменитых горах.

— Тот, кто намерен очистить свой дух, должен избегать желаний, дабы освободить свою душу от суэтных волнений. Но в Поднебесной существует немало вещей, к коим влечет человека. Это не только чудесные звуки или женская прелесть, но также красивые вещи и жизненные удовольствия. А чистый ветер, что овеивает ваше тело, или ясная луна, которая приносит усаду вашим чувствам?! А пение птиц, что слышит ваше ухо, а аромат нежного папоротника! Все эти вещи не просто приятные, но и достойные нашей любви, к ним устремлены наши желания. Что до знаменитых гор, то в них водятся духи и оборотни, которые влекут человека к поэзии. Феи луны и ветра* привораживают его своими чарами. Не удивительно, что ученые мужи, попав в подобные места, тотчас забывают об ученье, а ревнители Пути теряют чистоту своих корней. Добавлю, что в этих горах можно на каждом шагу встретить прелестных дев, пришедших на богомолье, или служивых людей, которые ищут в подобных местах одни лишь забавы. Сияние ясной луны и зелень деревьев являются здесь источником многих бед. Вот отчего я чуждаюсь знаменитых обителей и стараюсь удалиться в пустынные горы, дабы мои глаза и уши не соприкасались с окружающим миром.